

УДК 94(476)«1941/1944»:502

Эксплуатация природных ресурсов Беларуси в период нацистской оккупации

Е.А. Гребень

Белорусский государственный аграрный технический университет

Рассматривается проблема эксплуатации немецкими оккупационными властями природных ресурсов Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Анализируются нормативные акты, регламентировавшие немецкую политику относительно природных богатств республики. Характеризуется процесс эксплуатации водных и лесных ресурсов, формы и методы привлечения гражданского населения на работы в ходе разработки природных богатств, механизм допуска гражданского населения оккупированной территории к их использованию. Констатируется наличие долгосрочных колонизаторских планов нацистов в Беларуси.

Беларусь на фоне других оккупированных регионов СССР обладала довольно ограниченными природными ресурсами, однако в хозяйственном плане для оккупационных властей также представляла определенный интерес. Помимо трудовых ресурсов, промышленного потенциала и сельского хозяйства существовала потенциальная возможность для эксплуатации некоторых природных богатств, в частности, водоемов, лесов, торфяников.

Материал и методы. Для исследования использовались материалы Государственных архивов Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской областей (распоряжения командования тыловой зоны группы армий «Центр», регламентирующие порядок эксплуатации трудовых ресурсов Беларуси, переписка коллаборационной администрации по этому вопросу). В работе использовались общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Первое распоряжение, регламентирующее рыбную ловлю на территории тыловой зоны группы армий «Центр», было издано 2.04.1942 г. Оно содержало основные принципы рыбной ловли. В документе давалось определение лиц, являющихся профессиональными рыболовами (граждане, занимающиеся ловом в рамках существовавших рыболовных артелей). В особых случаях разрешалось привлечение к лову лиц, не имеющих рыболовных свидетельств. Районным управлениям ставилась задача оперативно рассмотреть поданные заявления рыболовов. Оперативность объяснялась тяжелым положением с продуктами питания, и организация рыбной ловли рассматривалась оккупационными властями как альтернативный источник поступления продуктов питания для вермахта, оккупационной администрации и городского населения.

На заявлении начальник района ставил резолюцию относительно благонадежности просителя и достоверности указанных персональных данных.

Окончательное решение о выдаче удостоверений принималось фельдкомендатурой, после чего проситель уплачивал в кассу районной управы пошлину в размере 10 руб.

Рыболовы одной местности составляли товарищества, в чье ведение передавался инвентарь довоенных рыбных артелей. Разрешение на ужение для частного лица подавалось волостному бургомистру и визировалось ортскомендатурой.

О том, что рыбная ловля рассматривалась как способ снять напряженную ситуацию с продуктами, свидетельствует оговаривавшаяся в документе потенциальная возможность производить лов в запретное время с санкции местной комендатуры. В более поздних документах это положение отсутствовало. Улов мог быть реализован среди горожан под контролем продовольственного отдела городской управы [1, л. 13].

Допускался лов рыбы во всех типах водоемов. С 15.04 по 15.05 допускалось использование только снастей неподвижной установки (сети и др.); невода, бредни, волокуши запрещались. Ширина ячеек сетей разрешалась не менее 15 мм. Определялись минимальные размеры вылавливаемых рыб различных видов: угорь, судак, щука, сом – не менее 35 см, карп – 30 см, налим – 25 см, форель – 20 см, окунь, голавль, плотва, лещ, линь, карась – 15 см, рак – 15 см, ловля рака с икрой не разрешалась. В документе подчеркивалось, что Хозяйственная инспекция «Центр» обладала правом изменять установленные размеры вылавливаемой рыбы [2, л. 148].

16.06.1943 г. в тыловой зоне группы армий «Центр» вышло «Распоряжение о занятии рыболовством», более детально регламентирующее правила эксплуатации водоемов, согласно которому право на лов рыбы предоставлялось крестьянским общинным хозяйствам, на территории или на границе с территорией которых расположены водоемы. Крестьянские общинные хозяйства должны были или сами пользоваться правом на рыбную ловлю, или в случае нежелания или отсутствия возможности передавать его другим общинам путем письменного заявления в районное земельное управление (крайсландвирт). Право пользования водоемами рассматривалось в контексте «обязательства правильного хозяйничанья рыбными водоемами», иными словами – обязанности сельской общины следить за водными и рыбными ресурсами в рамках выполнения военного сбора, а также помимо обязательной поставки продуктов община должна была эксплуатировать водоемы и поставлять продукцию рыбного промысла.

Крестьянское общинное хозяйство осуществляло рыбный промысел при помощи рыбаков – членов общины. Городские рыбаки присоединялись к членам ближайшего крестьянского общинного хозяйства, а в случае переселения их в общину могли претендовать на земельный надел [1, л. 115]. То есть право рыбного лова обуславливалось правом владения земельного участка не менее среднего размера приусадебного участка в конкретной общине.

Рыболовством могли заниматься граждане, получившие на это специальное удостоверение, которое необходимо было всегда иметь при себе во время занятия промыслом. Община была обязана ежегодно к 1 декабря предоставлять список сельских и городских рыбаков. Рыболовное удостоверение выдавалось до конца текущего года крайсландвиртом после проверки благонадежности просителя в фельдкомендатуре.

Граждане, не занимающиеся профессионально рыбной ловлей (рыбаки-любители), получали удостоверение на право ужения удочкой, прошения об этом также поступали в крайсландвирт. Выдача удостоверений для рыбаков-любителей осуществлялась тем же порядком, но санкционировалась ортскомендатурой. Ортскомендатура также могла выдавать удостоверения на право ужения удочкой для военнослужащих. Количество выдаваемых в районе удостоверений регулировалось крайсландвиртом [1, л. 115 об.].

Водоемы одного района составляли единый рыболовный район, находящийся под управлением районного старшего рыболова, состоявшего на службе в крайсландвирте. Рыболовный район, в свою очередь, делился на рыбные участки под управлением старших участковых рыболовов, назначаемых из местных рыбаков (должность не оплачивалась). Границы рыбных участков определялись крайсландвиртом, рыболовные районы при необходимости могли объединяться в рыболовные округа. Рыбаки одного района объединялись в Районную артель рыболовов, управление которой размещалось в крайсландвирте [1, л. 116].

Процесс рыбной ловли был жестко регламентирован. Воспрещалось ловить рыбу в ночное время (через час после захода солнца и за час до восхода). Орудия лова, заброшенные до момента захода солнца, могли оставаться в воде на всю ночь, но извлекаться только в дневное время. Воспрещалась ловля на расстоянии 200 м от мостов и плотин (мера предосторожности на случай диверсий со стороны партизан, которые могли маскироваться под рыболовов), а также были запрещены установка ловушек и других стационарных орудий лова, загораживающих более половины ширины реки; использование в ходе лова взрывных и химических веществ, а также снастей, наносящих рыбе механические повреждения (щипцы, остроги, гарпуны).

Как и в предыдущем документе, регламентировался размер ячей рыболовных сетей. В сухом виде допускались следующие параметры: в ставных, сплавных, плавающих сетях – 30 мм, в неводах и подволоках – 30–40 мм, за исключением орудий лова угрей, которые не подлежали вышеуказанным ограничениям. При ловле мелкой рыбы с особого разрешения крайсландвирта допускалось использование сетей с более мелкими ячейками. До особого распоряжения о введении в эксплуатацию сетей вышеуказанных размеров допускалось использование сетей с другими размерами до их износа [1, л. 116–116 об.]. Как видно, размер ячеек по сравнению с 1942 г. был увеличен. Этот факт можно рассматривать как желание сохранить рыбные ресурсы в интересах нацистского государства, поскольку немцы пока еще надеялись на свою победу в войне и продолжали лелеять планы послевоенной колонизации и эксплуатации территории Беларуси. В начальный же период оккупации, когда происходило становление оккупационной системы выкачивания продовольствия из Беларуси, допускались сети с мелкими ячейками, захватывающие мелкую рыбу.

Был определен размер разрешенной к вылову рыбы различных видов: лосось не менее – 35 см, угорь, судак – 30 см, карп, щука – 28 см, линь, форель – 20 см, рак – 8 см. Выловленные рыба или рак менее разрешенного размера должны были выпускаться обратно в водоем [1, л. 116 об.]. На период нереста определенных видов рыб вводился полный запрет на их вылов, например, форель и лосось воспрещалось ловить с 10.10 по 10.01, раков – с 1.11 по 31.05 и т.д. Главное земельное управление при Хозяйственной

инспекции тыловой зоны группы армий «Центр» могло определять водоемы как питомники или заповедники, в которых воспрещался лов рыбы и раков. На общины возлагалась обязанность по поддержанию в порядке эксплуатируемых водоемов: очистка от засорения, зарастания, коряг. Воспрещалось проведение хозяйственных работ, которые могли повлечь изменения естественных условий водоемов [1, л. 117].

Коллаборационная администрация доводила до сведения распоряжения оккупационных властей, иногда конкретизируя или варьируя некоторые положения. В приказе № 29 по Добрушскому городскому управлению от 22.04.1942 г. кратко передавалась суть распоряжения немецких властей относительно рыболовства от 2.04.1942 г. и конкретизировался размер штрафа за несанкционированную ловлю рыбы в р. Ипать – 1000 руб. плюс конфискация рыболовных снастей [3, л. 21]. В приказе по горуправлению № 35 от 12.05.1942 г. изменялись положения предыдущего приказа. Речь уже шла о праве лова не только для членов артелей, но допускался лов гражданами, получившими разрешения торгового отдела, штраф составлял уже 100 руб. Кроме того, отмечалось, что граждане, производящие лов сетями, обязаны за сезон сдать 100 кг рыбы в столовую [3, л. 28]. В приказе по горуправлению от 20.05.1942 г. процесс рыболовства еще более детализировался. Например, разрешалось ловить на удочку при уплате сбора в размере 10 руб. (как и ранее), а при ловле сетями – 50 руб., при этом в столовую сдавать нужно было уже 50 кг рыбы [3, л. 31].

Создание новых или возрождение старых рыболовных артелей происходил осенью 1941 г. В западных областях Беларуси, которые очень быстро были оккупированы, такие структуры, очевидно, и не прекращали свою деятельность. Браславская районная управа уже в июле 1941 г. утвердила цены на закупаемую у рыболовных артелей продукцию [4, л. 8, 17, 30]. Осенью 1941 г. функционировал Лепельский рыбный участок. В ноябре было реализовано рыбы на 2569,5 руб. [5, л. 63].

В составе коллаборационной администрации могли существовать специальные подразделения, отвечающие за эксплуатацию рыбных ресурсов. В рамках Временного управления г. Бобруйска осенью 1941 г. существовал рыбопромышленный отдел, выдававший разрешения на рыбный промысел. С гражданином, желающим производить лов рыбы, заключался договор-контракт, в котором оговаривались водоемы, в которых можно было ловить (в частности, р. Березина), оговаривалась обязанность ежедекадно сдавать выловленную рыбу на склад рыбопромышленного отдела. В свою очередь отдел обязывался оплачивать рыбу по цене 5,2 руб. за килограмм крупной рыбы, 3 руб. – за среднюю, 2,6 руб. – за мелкую. Оплата производилась дважды в месяц до 19 числа за первую половину месяца и до 3 числа следующего месяца за вторую половину. За производимый лов рыбы гражданин и его иждивенцы получали продуктовые карточки, причем за невыполнение декадного обязательства сдавать рыбу на склад право на получение продуктов отменялось до погашения задолженности, что, по мнению оккупационных властей, должно было стимулировать работника заниматься промыслом и не утаивать улов [6, л. 85]. За разрешение на рыбную ловлю уплачивался сбор в размере 10 руб. [6, л. 47, 48].

Относительно охоты подробных приказов в годы нацистской оккупации не издавалось, поскольку данный вид деятельности оккупационные власти рассматривали как привилегию исключительно немцев. Поэтому в упоминаемом выше распоряжении от 2.04.1942 г. краткий параграф затрагивал вопросы охоты. Отмечалось, что местным

жителям категорически запрещалось охотиться как с использованием огнестрельного оружия (право ношения оружия было только у сотрудников местной полиции и некоторых чиновников коллаборационной администрации), так и с использованием петель, капканов, самострелов, химических средств. Любой местный житель, охотившийся на дичь, рассматривался оккупационными властями как браконьер и подлежал расстрелу [1, л. 13]. Охотничьи собаки лиц, пойманных в процессе охоты, подлежали конфискации, обычные собаки и другие животные, используемые на охоте, пристреливались [7, л. 61]. В дальнейшем эти положения могли содержаться в других нормативных актах оккупационной администрации в различных регионах Беларуси, но за ненадобностью не расписывались детально [8, л. 9].

Жители оккупированной Беларуси регулярно привлекались к работам в лесу. Типичной повинностью являлась рубка и вывоз леса, которые приобретали все более массовый характер. В лесоматериалах испытывала потребность экономика нацистской Германии, местные предприятия, используемые нацистами для обеспечения армии, вермахт для проведения работ оборонительного характера и предприятия, учреждения и городское население для отопления построек. В результате оккупационные власти интенсивно эксплуатировали лесные ресурсы Беларуси. Каждая волость должна была ежегодно выполнять план лесозаготовок и вывозки леса, для чего привлекалось значительное количество сельского населения, в первую очередь коневладельцы. В случае уклонения от подобных работ предусматривался штраф и конфискация коней. Крайсландвирт Богушевского района в 1943 г. издал запрет коневладельцам перемещаться по району до окончания лесозаготовок [9, л. 69]. Понимая, что угрозами проблему невыхода на лесозаготовки не решить, власти иногда могли использовать более действенные приемы. Койдановская районная управа сообщила населению, что если оно не приступит к рубке и вывозу леса, то будет конфискован весь заготовленный для собственных нужд лесоматериал [10, л. 3].

Частным лицам за рубку деревьев на дрова или в качестве стройматериалов необходимо было уплачивать пошлину лесничеству и получать лесорубный билет. Однако подавляющее большинство жителей оккупированной Беларуси по причине своей бедности не могло, а зачастую и не желало оплачивать самостоятельно заготавливаемые в лесу дрова, производя несанкционированные порубки. Сотрудники лесничеств пытались пресекать подобные действия, но в силу их массового характера наказать удавалось немногих. Изредка удавалось застать нарушителя на месте порубки или в момент вывоза из леса дров, в других случаях сотрудники лесничеств производили обход крестьянских дворов, искали свежесрубленный лес и пытались привлечь крестьян к ответственности. Документы о штрафах за несанкционированную порубку леса встречаются в документах коллаборационной администрации регулярно. Сотрудник лесхоза составлял акт, в котором указывалась порода дерева, количество кубометров и оценочная стоимость, на основании чего выписывался штраф. Акт давался на подпись нарушителю, которые часто не желали его подписывать [11, л. 35].

22.07.1942 г. житель Бобруйского района Николай С. был обвинен в несанкционированной рубке леса. В составленном акте отмечалось, что нарушение было зафиксировано уже вторично. Он срубил две сосны толщиной 16 и 24 см, оценочная стоимость которых составила 61,6 руб., а штраф, взыскиваемый в десятикратном размере от оценочной, был определен в 616 руб. В акте о порубке содержались также графы «было ли лесонарушите-

лем оказано сопротивление и в чем оно выразилось» и «объяснение лесонарушителя»; отмечалось также, что рубка велась без наличия лесорубного билета [12, л. 229, 229 об.]. В аналогичном случае лесник Озерецкого лесничества Толочинского района оштрафовал жителя села Ворошевичи В. за самовольную порубку 15 елей 8,1 м³ корневой стоимостью 75,45 руб., наложив штраф в размере 754,5 руб. [13, л. 2].

Интенсивно эксплуатировались торфяники, поскольку торф служил сырьем для местных электростанций. В Койдановском районе на основании распоряжения гебитс-комиссара в апреле 1943 г. к этим работам было приказано привлечь все население от 16 до 50 лет [14, л. 81]. Там же летом 1943 г. каждый крестьянский двор должен был вырезать и высушить в недельный срок 20000 штук торфяного кирпича. В случае выполнения указанной нормы обещалось больше не привлекать крестьян к подобным работам в текущем году, в ином случае предусматривалось отправка на торфоразработки до конца года [14, л. 61]. Как и в случае лесозаготовок, население массово уклонялось от этой исключительно тяжелой повинности.

Крестьяне в рамках исполнения обязательной трудовой повинности привлекались к сбору желудей, ягод, лекарственных трав. Согласно распоряжению крайсландвирта население Волковской волости Толочинского района летом 1943 г. получило план сдачи до 1.09.1943 г. 4635 кг ягод. Сбору подлежала черника, земляника, брусника, малина. Уклоняющимся от сбора ягод грозили наказанием [15, л. 14, 17]. Чтобы стимулировать население, обещалась выдача 0,5 кг соли за 1 кг сданных ягод. Жителям Евлаховской волости Толочинского района летом 1943 г. было предложено собирать и сдавать в сушеном виде в магазин в Толочине листья березы, крапивы, ежевики, терновника, боярышника, мяты и др. лекарственных растений. За килограмм сданного сырья в зависимости от его ценности обещалась оплата 5–10 руб. [7, л. 35]. Тогда же население волости было оповещено и о заготовке дикорастущих ягод, которые предлагалось сдавать на Озерецкий плодвинзавод [7, л. 57].

Заключение. Нацистская оккупация Беларуси помимо осуществляемой оккупационными властями в отношении белорусов политики геноцида проявилась также в интенсивной эксплуатации природных ресурсов. Уже с осени 1941 г. оккупационные власти приступили к активному использованию водных ресурсов, лесных богатств и торфяников. Анализ нормативных актов, регулирующих использование природных ресурсов, свидетельствует о наличии колонизаторских планов немецких оккупационных властей в отношении территории Беларуси.

Л и т е р а т у р а

1. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
2. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
3. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 232.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2088. – Оп. 1. – Д. 37.
6. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 18.
7. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2134. – Оп. 1. – Д. 8.
8. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1351. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2087. – Оп. 2. – Д. 1.

10. Государственный архив Минской области. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 43.
11. Государственный архив Минской области. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 27.
12. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 859. – Оп.1. – Д. 61.
13. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2127. – Оп. 5. – Д. 1.
14. Государственный архив Минской области. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 4.
15. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2079. – Оп. 1. – Д. 3.

S U M M A R Y

The problem of the use of natural resources of Belarus by the German occupation authorities during the Great Patriotic war is discussed in the article. Legal texts that regulated the German policy on the natural resources of the republic are analyzed. The process of exploitation of water and forest resources is characterized, as well as forms and methods of getting civilians involved in the work in the course of exploration of the natural resources, the mechanism of access to their use for the civil population of the occupied territory. The fact of existence of long-term colonialist plans of the Nazis on Belarus is stated.

Поступило 29.04.2010